

УДК 81'27

Контакты Восточных патриархатов с православной церковью на восточнославянских землях Речи Посполитой (1596–1632 гг.)

Апанович К.О.

*Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей
школы», Минск*

Период с момента заключения Брестской церковной унии в 1596 г. до прихода к власти Владислава IV является одним из наиболее тяжелых в истории православной церкви в Речи Посполитой. Первая треть XVII в. отмечена также глубоким кризисом Греческой церкви, находившейся под властью турецкого султана. В это время иерархами Восточной церкви была осуществлена деятельность, направленная на сохранение религиозно-этнической идентичности православного населения Киевской митрополии и укрепление позиций православной церкви в Речи Посполитой. Анализ взаимоотношений представителей Восточных патриархатов с Киевской митрополией позволяет выделить три уровня деятельности иерархии Восточной церкви в поддержку православной церкви в Речи Посполитой: 1) духовный (поддержка посредством посланий); 2) социальный (меры по укреплению положения православной церкви в Речи Посполитой: проведение Брестского собора, назначение экзархов, наделение ставропигией братств, восстановление православной иерархии и др.); 3) политический (действия, принятые с целью изменения политического положения Киевской митрополии).

Ключевые слова: Брестская уния, православная церковь, контакты, Восточные иерархи, Киевская митрополия, религиозно-этническая идентичность.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 98–110)

The relations between the Eastern Patriarchates and the Kiev Metropolitanate (1596–1632)

Apanovich C.O.

Educational establishment “Republican Institute of Higher Education”, Minsk

The period from the Union of Brest-Litovsk (1596) to the reign of Vladislav IV (1632) turned out to be one of the most difficult in the history of the Orthodox Kiev metropolitanate. The first third of the 17th century was also marked by severe crisis of the Greek Church, which remained under the dominion of the Turkish sultan. At that time the hierarchs of the Eastern Church tried to preserve the religious and ethnic identity of the orthodox population and to strengthen positions of the Orthodox Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth. The analysis of relations between the representatives of the Eastern patriarchates and Kiev metropolitanate makes it possible to recognize three levels of the Eastern hierarchy's activity in support of the Orthodox Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth: pastoral, social and political. The pastoral level is represented by assistance per epistles. The social level includes measures of strengthening positions of the Orthodox Church, such as convocation of the Brest's council, nomination of exarches, confirmation of stauropegial rights to brotherhoods, ordination of the Orthodox hierarchy and etc. The political level contains steps to change political situation of the Kiev metropolitanate.

Key words: the Union of Brest-Litovsk, Orthodox Church, contacts, Eastern hierarchs, the Kiev metropolitanate, religious and ethnic identity.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 98–110)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kalimera3@mail.ru – К.О. Апанович

З аключение Брестской церковной унии в 1596 г. обусловило начало специфического этапа в истории православной церкви в Речи Посполитой. С самого начала своего существования уния была взята королем Сигизмундом III (1587–1632 гг.) под особое покровительство. Правительство Речи Посполитой после 1596 г. юридически игнорировало существование православия, а все прежние права и акты законодательства в пользу его переносило на унию, что вызвало ожесточенную борьбу между православными и униатами. Только в 1632 г. закончился тяжелый и неблагоприятный для православной церкви в Речи Посполитой период правления Сигизмунда III. В межкорольевье и в начале правления Владислава IV были приняты документы, которые знаменовали собой начало нового этапа в истории православной Киевской митрополии.

Первая треть XVII в. отмечена также глубоким кризисом Греческой церкви, находившейся под властью турецкого султана. В период времени с 1596 по 1632 г. 16 раз менялись предстоятели на Константинопольском престоле. Столь частая смена патриархов, обусловленная тяжелым положением Константинопольской церкви в условиях турецкого завоевания, делала нереальным проведение в жизнь сколь-нибудь систематической религиозной деятельности на территории собственного патриархата, тем более в таких отдаленных митрополиях, как Киевская. Кроме того, контакты Восточных патриархов с православной Киевской митрополией еще более затруднялись указами правительства Речи Посполитой, воспрещавшими пребывание греческого духовенства на территории государства.

Все это обусловило распространение в исторической среде мнения о том, что контакты между Восточными патриархатами и православной церковью на восточнославянских землях Речи Посполитой были слабыми, вследствие чего православная Киевская митрополия была вынуждена справляться с внутрицерковным кризисом и возрастающей не-

терпимостью властей Речи Посполитой самостоятельно.

Вопроса взаимоотношений Восточной иерархии с православным населением Киевской митрополии в конце XVI – начале XVII в. касались в своих работах такие историки, как митрополит Макарий Булгаков, А. Брянцев, П. Подвысоцкий, К. Ходыницкий, Б.Л. Фонкич, В. Любащенко, С. Плохий и др.¹ Однако данная тема так и не стала предметом самостоятельного исследования.

Цель настоящей статьи – анализ контактов представителей Восточных патриархатов с православным населением Киевской митрополии в ситуации обострения межконфессионального конфликта в Речи Посполитой (1596–1632 гг.).

Материал и методы. Основным источником для изучения указанной проблематики явились грамоты, послания и письма Восточных иерархов, обращенные к православному населению Речи Посполитой. Необходимые для исследования материалы содержатся в сборниках документов «Акты Западной России», «Археографический сборник», «Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов», «Monumenta Confraternitatis

¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: в IX т. / митр. Макарий (Булгаков). – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. V, т. 9. – 560 с.; Брянцев, А. Патриарх Кирилл Лукарис и его заслуги для православной церкви / А. Брянцев // Странник. – 1870. – № 3. – С. 195–220; Подвысоцкий, П. Западно-русские полемические сочинения по вопросу о восстановлении православной иерархии в Западной Руси в 1620 г. / П. Подвысоцкий. – Могилев: Типография И.Б. Клаза и М.Л. Карана, 1915. – 337 с.; Chodyncki, K. Kościół Prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370–1632 / K. Chodyncki. – Warszawa: Kasa imienia Mianowskiego, 1934. – 610 s.; Фонкич, Б.Л. Из истории греческо-украинско-русских культурных связей в первой половине XVII в. / Б.Л. Фонкич // Византийский временник. – 1991. – Т. 52. – С. 141–147; Любащенко, В. Кирилл Лукарис и протестантизм. Опыт межцерковного диалога / В. Любащенко. – Одесса: Богомыслие, 2001. – 89 с.; Плохий, С. Наливайкова віра: Козаки та релігія в ранньомодерній Україні: пер. з англ. / С. Плохий. – К.: Критика, 2005. – 496 с.

Stauropigianae Leopoliensis», а также в приложениях к монографиям С.Т. Голубева «Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования)» и А. Крыловского «Львовское Ставропигиальное братство (Опыт церковно-исторического исследования)»².

При написании работы был использован принцип историзма, который заключается в рассмотрении отдельных тенденций в конкретно-исторической обстановке. Применительно к рассматриваемой проблеме принцип историзма предусматривает исследование характера взаимоотношений Восточных патриархатов с православной церковью на восточнославянских землях Речи Посполитой в период с 1596 по 1632 г. При написании статьи также использованы общие логические методы исследования: описание, анализ, синтез, индукция. Из специально-исторических методов были использованы историко-системный и историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Анализ взаимоотношений представителей Восточных патриархатов с Киевской митрополией позволяет сделать вывод о проведении Восточными иерархами на социальном уровне мер по укреплению

положения православной церкви в Речи Посполитой.

В 1596 г. в Бресте состоялся православный собор, решением которого была отвергнута уния и преданы анафеме принявшие ее епископы. Легитимность проведения Брестского православного собора, а также его решений была обусловлена присутствием в качестве председателя собора экзарха Константинопольского патриарха – Никифора Кантакузина. Для участия в деяниях собора был приглашен Александрийский экзарх архимандрит Кирилл Лукарис, который приходился к тому же племянником Александрийскому патриарху. Это позволило местоблюстителю Константинопольского престола – Александрийскому патриарху Мелетию – адекватно оценить сложившуюся в Речи Посполитой религиозную ситуацию. В посланиях Мелетия Пигаса к православным Киевской митрополии отражается знание многих фактов и даже деталей относительно происходивших в то время событий.

Преследуя цель введения Брестской унии в пределах Речи Посполитой, король Сигизмунд III в марте 1597 г. привлек к суду сыгравшего исключительную роль в деле организации православных для противостояния униатской церкви Никифора Кантакузина. Несмотря на отсутствие правдоподобных обвинений на суде, Никифор был заключен в одну из самых надежных тюрем Польши – бывший замок Тевтонского Ордена в Мариенбурге, где в 1601 г. умер от голода³. Деятельность архидиакона Никифо-

² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Археографическая комиссия, 1846–1853. – Т. 4: 1588–1632. – 1851. – 529 с.; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: в 14 т. – Вильна: Печатня Губернского правления, 1867–1904. – Т. 2. – 1867. – 258 с.; Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов: в 3 т. – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1897–1898. – Т. 1, 2: Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis / ed. Dr. W. Milkowicz. – Leopoli, 1895. – Т. 1. – 961 р.; Голубев, С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования) / С.Т. Голубев. – Киев, 1883. – Т. 1. – 559, 576 с.; Крыловский, А. Львовское Ставропигиальное братство (Опыт церковно-исторического исследования) / А. Крыловский. – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1904. – 315, 230 с.

³ В ноябре 2001 г. во Львове, по благословению Константинопольского Патриарха Варфоломея и Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром (Сабоданом) была совершена местная канонизация протосинкела Никифора.

18/31 января 2002 года Святой синод Белорусской православной церкви, рассмотрев житие, труды, подвиги и церковное служение архидиакона Никифора, определил причислить к лику местночтимых святых Белорусской православной церкви архидиакона Никифора Парасхеса-Кантакузена, Экзарха Вселенского Патриарха. Празднование его церковной памяти было установлено в день

ра на православном Брестском соборе, подвиг стояния в православной вере, а также его мученическая кончина дают повод сравнить его со святителем Марком Эфесским.

4 апреля 1597 г. Мелетий I Пигас стал местоблюстителем Константинопольского престола (4 апреля 1597 г. – апрель 1598 г.). Этим же числом датируется послание патриарха Мелетия к князю Василию Острожскому и православным верующим Речи Посполитой. В послании Мелетий сообщил о своем избрании на должность местоблюстителя Константинопольского престола, а также о намерении посетить Киевскую митрополию. Но по причине занятости патриарху пришлось ограничиться лишь посланием, которое он отправил еще из Египта, а затем копию послания – из Константинополя. Патриарх Мелетий известил князя Василия и православных верующих о получении акта Брестского собора и высказал свое мнение о нем. Мелетий одобрил постановления православного собора, происходившего под председательством Никифора, экзарха Константинопольского патриарха, и при участии Кирилла Лукариса, экзарха Александрийского патриарха. Кроме того, Мелетий Пигас сообщил, что старается убедить правительство Речи Посполитой позволить православным жить в соответствии с отеческими обычаями и догматами, чтобы не было нужды в написании посланий и созыве соборов, поскольку последние доставляют излишние⁴ трудности Константинопольскому престолу, подъятие которых терпит ради утверждения благочестия православных подданных Речи Посполитой («... яже нам таковую наносят тяготу, яко едва мощи настоящая писания сложити же и послати, самем же нам труд подымати и беды усердно, не нашим нуждам многим сущим и великим, но вашему в бла-

гочестии утверждению»). В послании Мелетий также обращается к князю Острожскому и православным верующим с просьбой об освобождении оклеветанного патриаршего наместника Никифора [1, № CCCCLII].

В послании от 4 августа 1597 года к Львовскому епископу Гедеону Балабану патриарх Мелетий наметил основные направления деятельности православных подвластной ему Киевской митрополии в создавшейся ситуации, реализация которых была необходима для дальнейшего существования православной церкви в пределах Речи Посполитой. Делом первостепенной важности был признан созыв собора и избрание на нем новых митрополита и епископов вместо отпавших в унию. Для управления православной Киевской митрополией до момента реализации данного проекта патриарх Мелетий назначил трех экзархов – епископа Львовского Гедеона, архимандрита-грека Кирилла Лукариса и князя Константина Острожского.

Во время сложного периода социально-политического конфликта в Речи Посполитой 1596–1632 гг. Вселенские патриархи, не имея возможности лично посещать Киевскую митрополию вследствие тяжелого положения Греческой церкви и дальности расстояния, для управления православной Киевской митрополией назначали экзархов – патриарших наместников, в подчинении которых находились митрополит и местные епископы. После смерти епископа Львовского Гедеона в 1607 г. и князя Константина Острожского в 1608 г. в Речи Посполитой действовал в качестве Константинопольского экзарха протоиерей Нестор Кузмич в 1609 г., а с 1614 г. (возможно и ранее) Львовский епископ Иеремия Тиссаровский (в 1633 г. он еще носил звание экзарха). В.Г. Короткий пишет о возвращении Полоцкого и Витебского архиепископа Мелетия Смотрицкого в 1625 г. в Речь Посполитую после путешествия на Восток, во время которого он был назначен патриаршим экзархом [2, с. 127]. В 1628 г. Константинопольским экзархом был назначен настоя-

Собора Белорусских святых, в 3-ю Неделю по Пятидесятнице.

⁴ Это вполне понятно, если принять во внимание положение Константинопольской церкви под властью турок.

тель Киево-Печерской лавры Петр Могила.

Константинопольские патриархи давали полномочия совершать священнодействия в Киевской митрополии духовенству других патриархатов и поместных церквей. В Речи Посполитой в имениях выдающихся шляхтичей, таких, как Острожские, Вишневецкие, Корецкие и др., проживали греческие архиереи. На Волыни в Степаньской обители, принадлежавшей Константину Константиновичу Острожскому, с 1599 г. около трех лет пребывал Белгородский митрополит Лука⁵. В 1603 г. или 1604 г. в данный монастырь поступил Пелагонский митрополит Иеремия, который проживал там до 1620 г. В 1610 г. в Степаньском монастыре был Макачевский владыка Амфилохий. Экзарх Иерусалимского патриарха Монемвасийский митрополит Иоасаф находился в Речи Посполитой по крайней мере в 1616–1617 гг. Сербский владыка Павел около 1620 г. жил в монастыре княгини Корецкой. Таким же образом, в Речи Посполитой пребывали Софийский митрополит Неофит (с 1612 г. в Киево-Печерской лавре) и Стагонский епископ Авраамий (с 1612 г. в Дерманском монастыре), участвовавшие в 1620 г. в хиротонии православной иерархии вместе с Иерусалимским патриархом Феофаном [3, с. 28; 4, с. 265]. П. Подвысоцкий, опираясь на свидетельство «Ехатен Obrony», пишет, что «чужеземных епископов в Польше было всегда не меньше», чем поставленных в 1620 г. К «чужеземным» епископам враждебно относилась грекокатолическая иерархия, предпринимавшая против них строгие меры и изгонявшая их из своих епархий [3, с. 28]. «Немало вредят унии, – писал митрополит Рутский, – иноземные владыки: греки и сербы, которые, когда хотят, приезжают, когда хотят, уезжают, никому не являясь и никому не предъявляя своих

охранных листов; они рукополагают попов и совершают все епископское в наших епархиях» [цит. по: 4, с. 265].

Восточные патриархи наделяли ставропигиальными правами братства и монастыри. Например, 8 мая 1610 г. Константинопольский патриарх Кирилл утвердил право на ставропигию Львовского братства и передал под его управление монастырь св. Онуфрия и типографию.

В одном из посланий 1597 г. Александрийский патриарх Мелетий Пигас разъясняет цель дарования братствам Киевской митрополии ставропигии: «Не в погубление и весьма пакость, или бесчестие иже в месте епископу, от его же власти отъемлется ставропигия; в созидание и помощь патриаршескому престолу...» [цит. по: 5, с. 112]. Если принять во внимание, что в Речи Посполитой в 1597 г. было всего 2 православных епископа – Перемышльский епископ Михаил Копыстенский и Львовский епископ Геден Балабан, а с 1608 г. священнодействовал только один православный епископ Львовский Иеремия Тиссаровский, тогда как православная Киевская митрополия насчитывала 7 епархий, то становится очевидным, что дарование ставропигиальных прав братствам было жизненно необходимым для организации деятельности православной церкви в Речи Посполитой.

Из послания Александрийского патриарха Мелетия Пигаса к Московскому царю Федору Иоанновичу 1593 г. можно заключить, что цель деятельности Львовского братства патриарх полагал в восстановлении «... находящегося в опасности по всему Востоку благочестия⁶, для подпоры православия, для оживления греческого обучения, в здешних странах, совершенно истребленного» [цит. по: 5, с. 111]. В послании от 3 сентября (24 августа) 1597 г. к православным братствам Киевской митрополии Мелетий, будучи уже Константинопольским местоблюсти-

⁵ Белгородский митрополит Лука участвовал в работе православного Брестского собора 1596 г. и приезжал в Вильно для заключения союза с протестантами в 1599 г.

⁶ Слово «благочестие» в данном случае является синонимом понятия «православная церковь».

телем, еще раз подтверждает высказанную ранее мысль: «... утверждение Церкви суть яже по местех священные братства и яко щит некий в помощь самой Церкви» [1, № CCCCLVI]. Таким образом, патриарх рассматривал братства как религиозные организации, объединявшие своей деятельностью отдельные территории. Данный момент представляется особенно важным, поскольку в условиях отсутствия необходимого количества православных епископов братства фактически выполняли их роль. Т.е. братства представляли собой центры организации религиозной жизни православного населения и его сопротивления унии. Представитель современной католической церкви Д. Блажейовский следующим образом интерпретирует деятельность Восточных иерархов по защите православной церкви в Речи Посполитой: «Греки ... начали вести борьбу против Брестской унии, но уничтожали ее украинскими руками, руками князя Острожского, украинской шляхты и братств» [цит. по: 6, с. 101].

После восстановления православной иерархии в Речи Посполитой в 1620 г. необходимость в самостоятельной организационной деятельности братств была утрачена, поскольку к исполнению своих обязанностей приступили епископы. Об этом свидетельствуют грамоты Иерусалимского патриарха Феофана (1620 г.) и Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса (1625 г. и 1626 г.) о подчинении ставропигий власти епархиальных архиереев [4, с. 440]. Таким образом, в Киевской православной митрополии возобновляется традиционный порядок жизни.

Главной целью Восточных патриархов было восстановление православной иерархии в Киевской митрополии. Местоблюститель Константинопольского престола Мелетий поручил своим экзархам и православному духовенству Киевской митрополии избрать митрополита и епископов сразу же после Брестского собора – в 1597 году, однако реализовать это по причинам правового и политиче-

ского характера удалось лишь в 1620 году.

В полемическом произведении «*Verificatio niewinnosci*» Мелетий Смотрицкий приводит грамоту Константинопольского патриарха Тимофея, данную им Иерусалимскому патриарху Феофану. Грамота датируется апрелем 1618 г., т.е. она была прислана Феофану либо во время его пребывания в Туле, где он был задержан по дороге в Москву и пробыл более года, либо была получена им уже после посещения Москвы в Киеве, где патриарх Феофан получал письма из Константинополя [3, с. 30–31]. В грамоте Константинопольский патриарх сообщает о поездке Иерусалимского патриарха в Московскую землю, в связи с чем повелевает иерархии подвластных Константинопольской кафедре епархий с честью «принимать Его Преосвященство и безотказно снабжать его всем необходимым». Далее Вселенский патриарх сообщает: «Мы позволили ему совершать в наших епархиях все церковные священнодействия и вести все архиерейские дела.

А если где-нибудь кто-либо выкажет каким-то образом непослушание, то такой подлежит соответствующему церковному наказанию. Сообщаем вам об этом, чтобы не случилось чего-либо иначе» [7, с. 297–298].

Приблизительно 22 марта 1620 г. патриарх Феофан прибыл из Москвы в Киев, после чего сразу же обратился с письмами к Коронному канцлеру и гетману Станиславу Жолкевскому и Киевскому воеводе Фоме Замойскому с просьбой ходатайствовать перед королем о предоставлении ему свободного проезда через территорию Речи Посполитой. 5 мая 1620 г. Станиславом Жолкевским были изданы два универсала, которые свидетельствовали о признании королем Сигизмундом III Феофана Иерусалимским патриархом, а также об удовлетворении просьбы патриарха. Только после издания данных универсалов Феофан приступил к исполнению своих полномочий в качестве верховного иерарха

православной Киевской митрополии [3, с. 29–32].

В середине августа 1620 г. в Киеве состоялось совещание по религиозным вопросам делегатов православной Киевской митрополии, представлявших различные епархии и учреждения православной церкви Речи Посполитой. Во время совещания делегаты были ознакомлены с текстом грамоты Константинопольского патриарха Тимофея, данной им Иерусалимскому патриарху. Вместе с патриархом Феофаном на совещании присутствовал экзарх Константинопольского патриарха архимандрит Арсений. Все это, а также обещание короля, данное православным на сейме 1607 г. и, как сказано в произведении «*Verificatio niewinnosci*», «подтвержденное на прошлом славном сейме и внесенное в конституцию, которым... позволено иметь митрополита и епископов, находящихся под... властью Константинопольского патриарха», дало основание делегатам сделать вывод о каноничности и законности восстановления православной иерархии в Речи Посполитой. Представителями православной церкви было принято решение воспользоваться представившейся возможностью [цит по: 3, с. 40–41].

13 августа 1620 г. патриарх Феофан обратился к православным с грамотами с повелением избрать достойных людей для посвящения в епископы. После чего Иерусалимским патриархом Феофаном совместно с Софийским митрополитом Неофитом и Стагонским епископом Авраамием были совершены хиротонии православных митрополита и пяти епископов. На епископство Пинское Феофаном был назначен грек Авраамий Стагонский [4, с. 409]. Таким образом, была восстановлена высшая иерархия православной церкви в Речи Посполитой.

По окончании хиротоний, в конце сентября или начале октября 1620 г. патриарх Феофан, возможно, по инициативе епископа Стагонского Авраамия, созвал собор. В работе собора приняли участие все иерархи, в тот момент находившиеся в Киеве, а также архимандри-

ты, игумены, иеромонахи и иереи. На соборе были рассмотрены и запрещены некоторые обычаи, укоренившиеся в Киевской митрополии, но противоречившие благочестию и практике Вселенской церкви [3, с. 51–52].

После собора Иерусалимский патриарх, оповестив грамотой православное население Речи Посполитой о восстановлении православной иерархии, предоставил высшему духовенству Киевской митрополии особые права. В случае смерти православного митрополита, ввиду тяжелого положения церкви в Речи Посполитой и дальности пути до Константинополя, епископам разрешалось избрать и рукоположить нового митрополита без предварительного согласия Константинополя, с условием, что в дальнейшем, «егдаже в путном шествии обдержашее кое зло престанет и препоны не будет», митрополит или сам явится за утверждением ко Вселенскому патриарху или отправит своего посла. В грамоте патриарх Феофан повелел также ставропигиям Киевской митрополии «во всяких делах и судах духовных» оставаться в подчинении у своих епархиальных архиереев во избежание раскола в православной среде [3, с. 52–53; 4, с. 409].

Восстановление Иерусалимским патриархом православной иерархии в Речи Посполитой имело большое значение. Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что рукоположенные им епископы отличались от православной иерархии доберестейского периода благочестием и ревностью в вере. Большая часть вновь посвященных владык была связана с Острожским культурным центром и имела промосковскую ориентацию. По словам украинского исследователя П. Крелюка, восстановление православной иерархии явилось своеобразным прологом Переяслава 1654 г., когда Малороссия добровольно вошла в состав Русского государства [6, с. 101].

Событие 1620 г. способствовало консолидации православного населения, в том числе казаков. Известно, что патриарх Феофан повлиял на политику запо-

рожских казаков, убедив их в неестественности осуществления военных действий против единой верной Москвы [3, с. 67].

Помимо усиления в православном обществе промосковских тенденций, посвящение Феофана произвело окончательный раскол среди приверженцев «греческого обряда», т.е. между православными и униатами [6, с. 102]. Создание православной иерархии, параллельной униатской, предоставило населению возможность выбора между двумя церквями, следствием чего явился массовый переход униатов в православие. Таким образом, восстановление православной иерархии «нанесло непоправимый вред всему делу ассимиляции русского православного народа с польским, католическим» [3, с. 64–65]. Так, «раскол, начало которому было положено в Бресте в 1596 г., логично завершился Феофановым посвящением» [6, с. 102].

Таким образом, представителями Восточных патриархатов была осуществлена деятельность по укреплению положения православной церкви в Речи Посполитой на социальном уровне.

О заинтересованности Восточной иерархии в судьбе православной Киевской митрополии свидетельствует также поддержка православного населения Речи Посполитой представителями Восточных патриархатов на духовном уровне.

19 мая 1597 г. Константинопольский местоблюститель и Александрийский патриарх Мелетий Пигас написал послание Львовскому братству, в котором призвал братчиков проводить жизнь достойно званию христианскому, напоминая им о надежде посмертного воздаяния. Местоблюститель Константинопольского престола советует братчикам «отвращаться» отступивших от православия, но в то же время рекомендует принимать желающих вернуться в православную веру при условии их раскаяния и принятия ими наказания за содеянное, чтобы предупредить подобное в дальнейшем. В заключение Мелетий просит братство принять своего чтеца

Иоасафа, которому, по-видимому, и было поручено доставить настоящее послание, и помочь ему [1, № CCCCLIII].

3 сентября (24 августа) 1597 г. датируется еще одно послание патриарха Мелетия к православным братствам Киевской митрополии. Мелетий хвалит цель учреждения братств и называет их «утверждением церкви христовой». Он убеждает их не прекращать подвигов и трудов во имя православной церкви, защищая нуждающихся от греко-католического митрополита и «соотступников», которые, прельстившись благами мира, последовали за инославными. Мелетий Пигас предлагает им также напечатать свои послания с целью утешения и укрепления православных на греческом, русском и, если сочтут нужным, – латинском языках. В заключении послания патриарх Мелетий называет константинопольскую паству «пленниками за Христа», как будто напоминая о не менее тяжелом положении церкви Константинопольской («И вас Господь Бог да сохранит невредны душою же и телом, воспоминающих и нас иже за Христа пленников») [1, № CCCCLVI].

29 ноября 1598 г. в послании к Львовскому братству из Александрии патриарх Мелетий хвалит братчиков за ревность о православной вере и благодарит их за любовь к нему. Патриарх отмечает, что получает сведения о братстве не только из писем братчиков, но и от приходящих к нему людей. В своем послании Мелетий Пигас обличает практику и нововведения католической церкви и убеждает братчиков, как неоднократно делал это ранее, сохранять православную веру. Касаясь конфликта братства с Львовским епископом Гедеоном Балабаном, Александрийский патриарх настаивает на примирении обеих сторон независимо от причин раздора [8, № 17; 1, № CCCCLXIX].

Патриарх Мелетий в своих посланиях не говорит открыто о притеснениях православного населения и его тяжелом положении под властью католического правительства Речи Посполитой. Но подаваемые им советы свидетельствуют о

хорошей осведомленности Александрийского патриарха относительно религиозного положения, сложившегося в Речи Посполитой, а также о его заинтересованности в помощи православным и заботе о них.

Необходимо также упомянуть о послании от 5 января 1614 г. митрополита Молдовлахийского Мардария, адресованном старшинам Львовского братства – Иоанну Красовскому, Николаю Златоручке и Стефану Сокальскому. В «Малую Росию» с посланием с Афонской горы был отправлен монах Гervasий. Бывший архиепископ Богданский Мардарий сообщает братчикам, что после долгих странствий поселился на Афонской горе. Интерес представляют фразы, при помощи которых митрополит Мардарий отмечает присущее Афону безмолвие. По его словам, там «еретики не клеветают, а мнимые христиане – католики не творят наветов, не прельщают ласками и дарами неутвердившихся и не находят... прельстившегося, не слышно ни вопля, ни крика на церковь Христова».

Такое своеобразное описание Афонской горы выявляет прекрасную осведомленность Молдовлахийского митрополита относительно сложившейся в Речи Посполитой межконфессиональной ситуации. Далее в послании митрополит Мардарий призывает братчиков к благочестию, терпению и братолюбию, а затем делает акцент на терпении и, основываясь на христианском учении, старается убедить братчиков, что сложившаяся в их Отечестве ситуация гонений на православных верующих неизбежна. Интересно, однако, что при этом митрополит не призывает к ненависти или бунту, но в сложившейся ситуации побуждает братчиков к терпению, в то же время ободряя их надеждой на избавление.

Вернувшись к тексту послания, необходимо отметить, что роль писца исполнил находившийся при митрополите Мардарии бывший проигумен Дерманского монастыря Исакий, который после текста послания добавил несколько строк от себя. Исакий обращается к Ио-

анну Красовскому с просьбой присылать митрополиту и ему выходящие из братской типографии книги [9, № 187].

Восточные патриархи в своих посланиях призывали православные братства, духовенство, выдающихся представителей общественной жизни, мирян к исповеданию православной веры и принятию унии. Они разрешали сомнения православного населения Речи Посполитой относительно веры и церковного устройства, стремились уладить внутренние конфликты (например, в случае с Львовским епископом Гедеоном и местным братством), а также указать приемлемые формы поведения в сложной ситуации острого межконфессионального противостояния.

Послания Восточных патриархов являются, в сущности, призывом высшей иерархии православной церкви к религиозной толерантности и свидетельствуют об их лояльности по отношению не только к другим конфессиям, но и к католическому государству – Речи Посполитой – в целом. Для Восточных патриархов был вполне приемлем вариант сосуществования различных конфессий в рамках одного государства. В то же время их деятельность была направлена на сохранение религиозно-этнической идентичности православного населения и укрепление позиций православной церкви.

Действия, предпринятые представителями Восточных патриархатов с целью изменения политического положения Киевской митрополии, позволяют выделить политический уровень деятельности Восточной иерархии в поддержку православной церкви в Речи Посполитой.

Используя конфликты и противоречия в системе международных отношений в период Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) в Европе, Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис неоднократно предпринимал попытки политического вмешательства в государственные дела Речи Посполитой. В 20-х – 30-х годах XVII в. Вселенским патриархатом было установлено политическое

сотрудничество с протестантскими державами и Русским государством, направленное против Речи Посполитой [10, с. 11–13].

В 1621 г. по повелению турецкого султана в Москву в качестве посла был отправлен представитель одной из наиболее знатных греческих фамилий – Фома Кантакузин. Вместе с грамотами османских властей с предложением о совместном выступлении против Речи Посполитой посол привез царю и патриарху Филарету грамоты патриарха Кирилла. Несмотря на то, что предложение Османа II было всего лишь политическим маневром, имевшим целью предотвращение сближения Московского государства с Речью Посполитой, Кантакузин призывал русское правительство к войне с Речью Посполитой. Расхождения между политикой султана и Константинопольского патриарха, чьи интересы также представлял греческий посол, не были замечены в Москве. В то же время Кириллом Лукарисом были отправлены в Речь Посполитую «два агента» для подготовки выступления православных против короля. Участие в войне с Речью Посполитой Русского государства служило гарантом того, что прокатолическим правительством при заключении мира будут сделаны уступки православной Киевской митрополии [10, с. 13–14].

В 1627 г. в Москву прибыл посол Османской империи Кантакузин с предложением о русско-османском союзе. Вместе с Кантакузиным царю была передана грамота Константинопольского патриарха Кирилла, заверявшего в искренности стремлений османских властей [11, с. 163]. В результате переговоров был составлен проект договора (от 13 декабря 1627 г.) о союзе Московского государства и Османской империи против Речи Посполитой. Проект включал обещание султана «способствовать возвращению России утраченных ею территорий» [11, с. 165]. Затруднения, возникшие впоследствии с ратификацией договора султаном, дают повод говорить о превышении Кантакузиным, являвшимся одно-

временно посланником Константинопольского патриарха, своих полномочий относительно текста договора [10, с. 17]. Это, в свою очередь, свидетельствует о наличии самостоятельной позиции Кирилла Лукариса касательно политических событий и попытке ее реализации в ходе переговоров. Лукарис стремился привлечь Русское государство к совместной борьбе с правительством Речи Посполитой [10, с. 16].

Кантакузин также осведомил патриарха Филарета, что данное соглашение должно было стать началом создания коалиции держав в составе Османской империи, Трансильвании, Швеции и России, направленной против Речи Посполитой. Кроме того, по утверждению Б.Н. Флори, Кирилл Лукарис «был не прочь (через Кантакузина) обратить внимание русского правительства на возможную роль патриархии как связующего звена между Россией и другими противниками Речи Посполитой» [10, с. 17–18].

В конце 20-х годов с целью обеспечения тыла для успешной войны шведского короля Густава Адольфа с Габсбургами политиками антигабсбургского лагеря был поднят вопрос реализации плана низложения короля Сигизмунда III и возведения на трон в Речи Посполитой трансильванского князя Габора Бетлена – вассала Османской империи – при поддержке Русского государства. Известно, что в установлении контактов между русскими послами и трансильванским двором в 1628 г., а также в успешном завершении переговоров трансильванских послов с властями Османской империи (Порта одобрила трансильванский проект) в 1629 г. большую роль сыграл Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис. Предполагалось также, что он обеспечит поддержку военных действий Бетлена в Речи Посполитой православного населения, в том числе казаков [11, с. 166–169].

По словам Б.Н. Флори, «поддерживая (а по возможности и координируя) действия Османской империи и протестантских держав против Речи Посполитой и

содействуя их сближению с Россией на этой основе, (Константинопольская. — К.А.) патриархия была заинтересована, прежде всего, в военно-политических успехах последней и готова была содействовать всеми доступными ей способами распространению ее власти, по крайней мере, на украинские земли» [10, с. 37].

Интересные сведения, касающиеся восстания казаков 1630 г. в Речи Посполитой, содержатся в «расспросных речах»⁷ грека Андрея, посланника Иерусалимского патриарха, представленных на рассмотрение Московского царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета путивльскими воеводами. Согласно Михаилу Бутурлину и Владимиру Ляпунову, Андрей сообщил о том, что Иерусалимский патриарх Феофан, находившийся в то время в Молдавии, послал его с письмами к Московским государям. По приезде Андрея из Молдавии в Киев письма «взял» у него Киевский православный митрополит Иов Борецкий, который затем отправил их с протосинкелом Иосифом в Москву. Андрей же одно из писем Иерусалимского патриарха в конце марта или начале апреля 1630 г. доставил казацкому гетману Тарасу Федоровичу. К сожалению, письмо не сохранилось. Но о его содержании известно также из «расспросных речей». В письме патриарх Феофан благословил казаков «стоять за веру хрестьянскую и быть под... державою» московского царя, т.е. принять подданство Москвы. Возможно, это предложение было рассмотрено на общей сходке казаков (по-украински «коло»). Призыв Иерусалимского патриарха имел свои последствия. В августе 1630 г. о готовности казаков перейти на службу к царю, если они не смогут противостоять полякам, сообщил путивльским воеводам сын митрополита Иова Борецкого — Андрей. В конце августа 1630 г. Конецпольский также засвидетельствовал намерение казаков просить Московского государя о помощи и добровольно сдать прилегающую к

Днепру территорию под власть царя. Далее в «расспросных речах» говорится о том, что грек Андрей привез с собой в Путивль два письма: одно — государям от Иерусалимского патриарха, второе — к путивльским воеводам от митрополита Иова Борецкого о самом Андрее [12, р. 168, 172–173].

Насильственное обращение в унию епархий православной Киевской митрополии католическим правительством Речи Посполитой и дискриминация православной церкви на государственном уровне представляли собой попытку отторжения от Константинопольского патриархата его канонической территории. «Ущемление прерогатив патриархии в традиционной сфере ее влияния» имело следствием также политическую активность Восточных иерархов, целью которой было изменение политического положения Киевской митрополии.

Заключение. Период с момента заключения Брестской церковной унии в 1596 г. до прихода к власти Владислава IV является одним из наиболее тяжелых в истории православной церкви в Речи Посполитой. Первая треть XVII в. отмечена также глубоким кризисом Греческой церкви, находившейся под властью турецкого султана. Несмотря на это, контакты между Вселенской церковью с подвластной ей Киевской митрополией в данный период не прекращались. Иерархами Восточной церкви была осуществлена деятельность, направленная на сохранение религиозно-этнической идентичности православного населения Киевской митрополии и укрепление позиций православной церкви в Речи Посполитой. Анализ взаимоотношений представителей Восточных патриархатов с Киевской митрополией позволяет выделить три уровня деятельности иерархии Восточной церкви в поддержку православной церкви в Речи Посполитой: 1) духовный (поддержка посредством посланий); 2) социальный (меры по укреплению положения православной церкви в Речи Посполитой: проведение Брестского собора, назначение экзархов, наделение ставропигией братств, восстано-

⁷ Текст «расспросных речей» грека Андрея приводится после статьи Б.Н. Флори [12].

ление православной иерархии и др.); 3) политический (действия, предпринятые с целью изменения политического положения Киевской митрополии).

Литература

1. Monumenta Confraternitatis Stauropegiacae Leopoliensis / ed. Dr. W. Milkowicz. – Leopoli, 1895. – Т. I. – 961 p.
2. Короткий, В.Г. Творческий путь Мелетия Смотрицкого / В.Г. Короткий. – Минск: Наука и техника, 1987. – 192 с.
3. Подвысоцкий, П. Западно-русские полемические сочинения по вопросу о восстановлении православной иерархии в Западной Руси в 1620 г. / П. Подвысоцкий. – Могилев: Типография И.Б. Клаза и М.Л. Кагана, 1915. – 337 с.
4. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: в IX т. / митр. Макарий (Булгаков). – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. VI, т. 11. – 798 с.
5. Фефелова, О.А. Православные братства на восточнославянских территориях Речи Посполитой во второй половине XVI – первой половине XVII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.А. Фефелова. – Томск, 2001. – 246 л.
6. Кралюк, П. Мелетій Смотрицький і українське духовно-культурне відродження кінця XVI – початку XVII ст. / П. Кралюк. – Острог: Вид-во Національного університету «Острозька академія», 2007. – 208 с.
7. Verificatia niewinności // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов: в 8 ч. – Киев: Унив. тип., 1859–1911. – Ч. 1, т. VII: Памятники литературной полемики православных южно-русцев с латино-униатами. – 1887. – С. 279–344.
8. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: в 14 т. – Вильна: Печатня Губернского правления, 1867–1904. – Т. 2. – 1867. – 258 с.
9. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. – СПб.: Археографическая комиссия, 1846–1853. – Т. 4: 1588–1632. – 1851. – 529 с.
10. Флоря, Б.Н. К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) / Б.Н. Флоря // Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.). – М.: Наука, 1990. – С. 8–42.
11. Асташин, В.В. Константинопольский патриархат в международных отношениях первой трети XVII века: дис. ... канд. ист. наук: 02.00.03 / В.В. Асташин. – Волгоград, 2001. – 294 л.
12. Florja, B.N. New Evidence on the 1630 Zaporozhian Cossack Uprising / B.N. Florja // Harvard Ukrainian Studies. – 1992. – Vol. XVI, № 1/2 (June). – P. 167–173.

Поступила в редакцию 30.06.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.